

А. Шопенгауэр

МЫСЛИ

Артур Шопенгауэр

Мысли

«ОМІКО»

2009

Шопенгауэр А.

Мысли / А. Шопенгауэр — «ОМІКО», 2009

"Если ближайшая и непосредственная цель нашей жизни не есть страдание, то наше существование представляет самое бестолковое и нецелесообразное явление". Перед вами — «Мысли» Шопенгауэра. Работа, уступающая по известности его крупномасштабным произведениям, однако способная, именно по своей обрывочности, дать читателю четкое и непредвзятое представление об особенностях шопенгауэровской философии...

© Шопенгауэр А., 2009

© ОМІКО, 2009

Содержание

О Физиономике	6
О Женщинах	12
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Артур Шопенгауэр Мысли

О Физиономике

Arthur Schopenhauer
1788–1860

Что на внешности изображается и отражается внутреннее содержание, а лицо высказывает и раскрывает внутреннюю сущность человека, – это такое предположение, которого априорность, а вместе с тем и надежность обнаруживается при всяком случае в общей жажде видеть человека, который выделится чем-либо дурным или хорошим, или отличился замечательным произведением; а если не представляется случая видеть, то, по крайней мере, узнать от других, каков он из себя по виду и наружности. Это ведет, с одной стороны, к скоплению публики к тем пунктам, где ожидается прибытие такого человека, а с другой – к стремлению газет, особенно английских, дать публике быстрое и точное описание его наружности, пока художник и гравер не покажут нам его воочию. Изобретение Дагерра оттого так высоко и ценится, что самым совершенным образом удовлетворяет этой потребности. Равным образом и в обыденной жизни, всякого подвернувшегося нам человека мы подвергаем физиономическому наблюдению, стараясь тихомолком по чертам его лица предузнать его нравственную и умственную сущность. На основании всего этого дело представляется не совсем так, как полагают некоторые глупцы, воображая, что вид и наружность человека не имеют никакого значения, потому что душа сама по себе, а тело само по себе и имеет к первой такое же отношение, какое к нему самому имеет носимое им платье.

Скорее всего, человеческое лицо есть иероглиф, который не только допускает дешифрирование, но и готовая азбука для которого имеется в нас самих. Лицо человека говорит даже больше и более интересные вещи, чем его уста, ибо оно представляет компендиум всего того, что он когда-либо скажет, будучи монограммой всех мыслей и стремлений этого человека. Уста высказывают опять-таки только мысль человека, лицо – мысль природы. Поэтому всякий заслуживает того, чтобы его внимательно рассматривали, но не всякий стоит того, чтобы с ним разговаривать. Если как отдельная мысль природы всякий индивидуум достоин внимания и наблюдения, то в высшей степени заслуживает того же красота, ибо она есть высшая и более обобщенная мысль природы, – она представляет идею породы, вида (*species*). Поэтому-то она так могущественно и приковывает наш взгляд и внимание. Она есть основная и главная мысль природы, тогда как индивидуум – только побочная, придаточная мысль.

Все безмолвно исходят из того положения, что всякий таков, каков он по виду и наружности, и положение это также справедливо; но трудность заключается в разгадывании, способность к которому частью врожденная, частью приобретается опытом; но вполне ею никто не владеет, даже самые опытные могут еще впасть в заблуждение; и, однако же, лицо (физиономия) не лжет, что бы там ни говорил Фигаро, хотя мы часто читаем не то, что на нем написано. Во всяком случае дешифрирование лица есть великое и трудное искусство. Принципы его не усваиваются *in abstracto* (отвлеченным путем). Первое условие для этого – рассматривать наблюдаемого человека *чисто объективным* взглядом, что не так-то легко. Коль скоро именно примешался малейший след антипатии, или симпатии, или страха, или надежды, или мысль о том, какое впечатление произвели мы сами, – короче, как скоро примешалось что-либо субъективное (личное), иероглиф становится сбивчивым и неточным. Как звуки какого-либо языка слышит явственно только тот, кто их не понимает (ибо в противном случае означаемое немедленно вытесняет из сознания знак), так точно и физиономию какого-либо человека видит только тот, кто ему еще совершенно чужд, т. е. кто еще не пригляделся к его лицу во время нескольких встреч или же разговора с ним. Поэтому чисто объективное впечатление какого-либо лица, а вместе с тем и возможность его дешифрирования, строго говоря, получается только при первом на него взгляде. Как запах производит на нас впечатление только при своем появлении, а вкус вина ощущается только за первым стаканом, точно так же и лица производят свое первое впечатление только при первой встрече. Поэтому ей следует посвящать самое тщательное внимание: следует заметить себе первое впечатление, а для людей, имеющих для нас личное значение, даже и записать, если именно хотим верить своему физиономиче-

скому чувству и суждению. Дальнейшее знакомство, обхождение изгладит это впечатление, но обстоятельства когда-нибудь впоследствии подтвердят его.

Между тем мы не хотим скрывать от себя, что это первое лицезрение бывает большею частью в высшей степени неприятно: так мало путно и состоятельно большинство! За исключением красивых, добродушных и интеллигентных лиц, т. е. чрезвычайно немногих и редких, – я полагаю, что у чувствительных особ всякое новое лицо большею частью должно вызывать родственное со страхом чувство, представляя неприятное в новых и неожиданных сочетаниях. И действительно, почти всегда это бывает жалостное, прискорбное лицезрение. Попадаются даже такие люди, на лице которых отпечатана такая наивная пошлость и низость образа мыслей и такая животная ограниченность рассудка, что просто удивляешься, как они рискуют выходить с такою физиономиею и не надевают маски. Бывают даже лица, от простого лицезрения которых чувствуешь себя оскверненным. Поэтому нельзя осуждать тех, кому привилегированное положение позволяет жить в такой обстановке и уединении, в которой они вполне избавлены от мучительного чувства «видеть новые лица».

При метафизическом объяснении этого обстоятельства следует принять в соображение, что индивидуальность каждого человека есть именно то отрицательное, от чего он посредством собственного существования должен быть устранен и исправлен. Если же довольствоваться психологическим объяснением, то спрашивается, каких же ожидать физиономий у тех, внутри которых во всю их долгую жизнь чрезвычайно редко всплывало что-либо иное, кроме мелочных, низких, жалких мыслей и пошлых, своекорыстных, завистливых, гадких и злостных желаний. Каждая из этих мыслей и желаний на время своего присутствия налагала на лицо свое выражение: все эти следы, вследствие многих повторений, глубоко врезались с течением времени и, как говорится, натерли свой путь на физиономии. Потому-то большинство людей таковы по своему внешнему виду, что ужасаешься при первом на них взгляде и только мало-помалу привыкаешь к их лицу, т. е. так притупляешься к производимому ими впечатлению, что оно более не действует.

На этот же медленный процесс образования постоянного выражения физиономии путем бесчисленных мимолетных характеристических напряжений лица служит также причиною, почему интеллигентные, осмысленные лица становятся таковыми только постепенно и даже только под старость приобретают свое высшее выражение, тогда как на портретах из их юности намечены только первые следы его. Напротив того, только что сказанное нами насчет первого страха согласуется с вышеприведенным замечанием, что лицо производит свое настоящее и полное впечатление только в первый раз. Чтобы совершенно объективно и неподдельно (беспримесно) воспринять это впечатление, мы не должны находиться ни в каких отношениях к человеку, а если возможно, то и не говорить с ним. Всякий разговор уже некоторым образом сближает и устанавливает известное обоюдное *субъективное* отношение, от которого тотчас же пострадает объективность восприятия. Так как к тому же каждый старается возбудить уважение или приязнь, то наблюдаемый тотчас же пустит в ход всякие усвоенные уже им уловки притворства, станет своими минами лицемерить, льстить и так нас этим подкупит, что мы вскоре перестанем видеть то, что явственно показал нам первый взгляд. Поэтому-то и говорится, что «большинство людей при ближайшем знакомстве *выигрывают*», тогда как следовало бы сказать – «нас *одурачивают*». Когда же впоследствии наступит плохое стечение обстоятельств, тогда большею частью вывод первого взгляда получает свое оправдание и часто придает этому последнему язвительный оттенок. Если же, напротив того, «ближайшее знакомство» с места же неприязненное, то точно так же вряд ли кто найдет, чтобы люди от него выигрывали. Другая причина кажущегося выигрыша при ближайшем знакомстве состоит в том, что человек, первое лицезрение которого нас от него предостерегало, коль скоро мы с ним разговариваем, уже показывает нам не только свою собственную сущность и характер, но и свое образование, т. е. не просто то, что он действительно есть по природе, но также и то, что он усвоил

из общей сокровищницы всего человечества: три четверти того, что он говорит, принадлежит не ему, а вошло в него извне, – а мы-то часто удивляемся, слушая, как подобный минотавр может говорить так по-человечески! Но стоит только перейти от «ближайшего знакомства» к еще более близкому, и тогда «животность», которую сулила его физиономия, обнаружится великолепнейшим образом. И так, кто одарен физиономической дальнзоркостью, тот должен непременно обращать надлежащее внимание на ее предсказания, предшествующие всякому ближайшему знакомству, а следовательно, достоверные и неподдельные. Ибо лицо человека выражает прямо то, что он *есть*, и если мы ошибаемся, то не его вина, а наша. Напротив того, слова человека выказывают только то, что он думает, чаще – только то, чему он выучился, или же просто то, что он выдает за свои мысли. К этому присоединяется еще и то, что когда мы с ним говорим или слышим его разговор с другими, то отвлекаемся от его физиономии, устраняя ее как субстрат, как нечто уже данное, и обращаем внимание только на *патогномическую* сторону, на игру его лица при разговоре: а эту последнюю он направляет таким образом, что она обращена к нам казовою стороною.

Если же Сократ сказал некогда юноше, представленному ему для испытания его способностей: «Говори, чтобы я мог тебя видеть»; то (принимая, что он под словом «видеть» не разумел просто «слышать») он был прав в том отношении, что черты и особенно глаза человека оживляются только во время речи и кладут на выражение его лица отпечаток духовных средств и способностей человека, что дает нам возможность предварительно определить степень и направление его умственного развития, – чего, собственно, и хотел Сократ в данном случае. В ином же случае следует принять во внимание, во-первых, что все только что сказанное не простирается на нравственные свойства человека, скрытые глубже; а во-вторых, что все приобретаемое нами при разговоре с человеком *объективно* по более явственному развитию выражения в чертах его лица, снова теряется *субъективно* вследствие личных отношений, которые тотчас же возникают между нами и привносят незаметное очарование, которое мешает нам быть беспристрастными. Потому-то с этой точки зрения следовало бы правильнее сказать: «Не говори, дабы я мог тебя видеть».

Ибо чтобы глубоко и ясно охватить физиономию человека, следует наблюдать его тогда, когда он сидит одиноко, вполне предоставленный самому себе. Всякое общество и разговор его с другим уже бросают на него постороннее отражение большею частью в его пользу, проводя его путем воздействия и реакции в деятельное состояние, что всегда возвышает человека. Напротив того, одинокий и предоставленный самому себе, в кипении собственных мыслей и ощущений – только тут человек является *вполне самим собою*. Тогда глубоко проницательный взгляд физиономиста может в общих чертах и сразу схватить всю его сущность. Ибо на его лице проходит основной тон всех его мыслей и стремлений и запечатлен *arret irrevocable* (непреложный приговор) того, чем он *имеет быть* и что он только тогда вполне чувствует, когда бывает наедине с самим собою.

Физиономика уже по одному тому составляет главное средство для распознавания людей, что физиономия в тесном смысле есть единственное, что не поддается их искусству притворства, так как для этого последнего доступна только *патогномическая, мимическая* сторона физиономии. Поэтому-то я и рекомендую изучать человека тогда, когда он бывает наедине, предоставленный самому себе, и прежде чем начать с ним разговор, отчасти потому, что только в таком случае видишь перед собою в чистом и неподдельном виде *физиономическую* сторону лица; тогда как при разговоре тотчас проявляется и *патогномическая*, и человек прибегает к заученным приемам притворства; а отчасти и потому, что всякое, даже самое мимолетное личное отношение делает нас пристрастными, внося в оценку элемент субъективности.

Следует еще заметить, что физиономическим путем вообще гораздо легче разгадать умственные способности человека, чем его нравственный характер. Первые гораздо больше пробиваются наружу. Они выражаются не только в лице и в игре физиономии, но также в

походке и во всяком движении, как бы оно ни было незначительно. Я полагаю, что тупицу, глупца и умного человека можно различить уже с тылу. Тупицу характеризует тяжеловесная неповоротливость всех движений; глупость кладет свой отпечаток на всякий жест; ум и мышление – то же самое. На этом основано замечание Лабрюйера: «Il n'y rien de si simple, de si simple, et de si imperceptible, ou il n'y entrent des manieres, qui nous decelent: un sot ni n'entre, ni ne sort, ni ne se leve, ni se tait, ni n'est sur ses jambes, comme un homme d'esprit¹. Этим же, сказать мимоходом, объясняется тот instinct star et prompt², который, по уверению Гельвеция, помогает дюжинным людям узнавать и избегать людей умных. Само по себе обстоятельство это основывается на том, что чем более и развитее головной мозг и чем тоньше по отношению к нему спинной мозг и нервы, тем выше не только умственные средства, но и подвижность, осмысленность в движении всех членов, ибо в таком случае эти последние более непосредственно и решительно управляются мозгом, вследствие чего на каждом движении ясно отражаются его намерения.

В целом же обстоятельство это сводится к тому, что чем выше стоит животное на лестнице существ, тем легче и скорее оно лишается жизни чрез повреждение и поранение в каком-нибудь одном пункте. Возьмем, например, лягушечных животных (Batrachier): насколько они неповоротливы, вялы и медленны в своих движениях, настолько же они не интеллигентны и отличаются при том чрезвычайно тягучею живучестью. Это объясняется тем, что при ничтожном головном мозге они обладают весьма толстым спинным мозгом и нервами. Вообще функциями головного мозга представляются, главным образом, движения рук и походка; движением же остальных членов, равно как и малейшими его видоизменениями, мозг управляет посредством нервов спинного мозга. По этой именно причине произвольные, намеренные движения вызывают утомление, которое, равно как и боль, коренится в мозгу, а не в членах, как нам кажется, – почему утомление и способствует сну. Напротив того, не истекающие от мозга, а следовательно, произвольные движения организма (как-то: легких, сердца и т. п.) совершаются, не производя утомления. Так как мышление и управление членами зависит от одного и того же мозга, то характер его деятельности отражается в обоих направлениях, смотря по свойствам индивидуума: глупые люди двигаются как манекены, у умных говорит каждый сустав.

Но гораздо лучше, чем по жестам и движениям, духовные качества познаются по физиономии, по форме и величине лба, по напряжению и подвижности черт лица, но главное – по глазам, начиная от тусклых, мутно глядящих свиных глазок, до сверкающих, искрометных глаз гения. Взгляд ума, даже самого тонкого, отличается от взгляда гениальности тем, что первый носит отпечаток служения воле, второй – свободен от этого. Поэтому весьма вероятен следующий анекдот о Петрарке, рассказанный Скуарцафики в биографии поэта, со слов его современника Джузеппе Бривиуса. Однажды при дворе Висконти, когда в числе гостей находился и Петрарка, Галеаццо Висконти предложил своему сыну, тогда еще мальчику, указать из числа присутствующих самого умного человека. Обведя внимательно всех глазами, мальчик, к великому общему изумлению всех присутствующих, взял за руку Петрарку и подвел его к отцу. Таким образом, природа отличает своих избранников такою яркою печатью достоинства, что ее замечают даже и дети. Поэтому я советовал бы своим остроумным землякам, если им опять придет охота какого-нибудь дюжинного человека в течение 30 лет провозглашать великим гением, не выбирать себе любимца с такою физиономией трактирщика, какую имел Гегель, на лице которого самым разборчивым почерком было написано природою столь знакомое ей название «дюжинная голова».

¹ «Нет ничего более легкого, более простого, более неуловимого, чем манеры, которые нас выдают: глупец входит, выходит, встает, молчит, стоит совсем не так, как умный человек» (франц.).

² быстрый и безошибочный инстинкт (франц.).

Иначе, чем с умственными, обстоит дело с нравственными качествами, с характером человека: разгадать его физиономическим путем гораздо труднее, потому что он, будучи метафизической природы, лежит глубже и хотя находится в связи с телосложением и организмом, но не так непосредственно, как ум, и не приурочен, как этот последний, к какой-либо определенной части или системе тела. К тому же еще, тогда как всякий, вполне довольствуясь своим рассудком, охотно выставляет его напоказ и старается открыто заявить его при всяком случае, нравственная сторона редко когда вполне свободно выставляется наружу и даже большей частью преднамеренно маскируется, в чем от долговременной практики можно дойти до отменного мастерства. Тем не менее, как выше замечено, дурные помыслы и недостойные стремления постепенно оставляют свои следы на лице и в глазах. Вследствие этого дело слагается таким образом, что, подвергая какого-либо человека физиономической оценке, мы можем зачастую легко поручиться, что он никогда не произведет бессмертного творения, но никак не в том, что он не совершит великого преступления.

О Женщинах

«Sans les femmes le commencement de notre vie serait privé de secours, le milieu de plaisirs, et la fin de consolation»³. Этими немногими словами Жюу, по-моему, лучше выражена истинная похвала женщинам, чем в прекрасно обдуманном стихотворении Шиллера «Würde des Frauen», рассчитанном на антитезы и контрасты. То же самое, но более патетично высказано Байроном в «Сарданапале».

The very first
Of human life must spring from woman's breast,
Your first small words are taught you from her lips,
Your first tears quench'd by her, and your last sighs
Too often breathed out in a woman's hearing,
When men have strunk from the ignoble care
Of watching the last hour of him who led them.

Т. е.

Начало
Человеческой жизни возникает на груди женщины.
Вашим первым словам вы научились из ее уст.
Ваши первые слезы отерты ею, и ваш последний
вздых
Слишком часто поражает ее слух,
Когда мужчины сторонятся от низкого труда
Окружать попечениями последний час того, кто был их вождем.

И там, и здесь значение женщины указано с настоящей точки зрения.

* * *

Уже самый вид женской фигуры показывает, что она не предназначена для слишком большого труда ни духовного, ни телесного. Она отбывает обязанность жизни не действительным, а страдательным образом: муками родов, заботами о детях, подчиненностью мужу, для которого она должна быть терпеливою и ободряющей подругою. Она не создана для высших страданий, радостей и могущественного проявления сил; жизнь ее должна протекать спокойнее, незначительнее и мягче, чем жизнь мужчины, не делаясь, в сущности, от этого счастливее или несчастнее.

* * *

Женщины уже потому склонны (приспособлены) к пестованию и воспитанию нашего первого детства, что они сами ребячливы, вздорны и близоруки, одним словом, всю жизнь представляют из себя больших детей: род промежуточной ступени между ребенком и мужчи-

³ Если бы не женщины, то в первые часы нашей жизни мы были бы лишены помощи, в середине – удовольствий, а в конце – утешения (*франц.*).

ной, который и есть собственно человек. Стоит только взглянуть на девушку, как она по целым дням лепечет, поет и пляшет с ребенком, и представить себе, что на ее месте при всем добром желании мог бы сделать мужчина?

При создании девушек природа была на то, что в драматургическом смысле называется трескучим эффектом. Она с избытком снабдила их на несколько лет красотой, привлекательностью и пышностью на счет всей остальной их жизни именно затем, чтобы они в течение этих

годов могли в такой мере овладевать воображением мужчины, чтобы он, увлекшись, честно принял на себя, в той или другой форме, заботу об их дальнейшей жизни, к каковому шагу побудить его простое здоровое размышление не представляет достаточно надежных гарантий. Поэтому природа снабдила женщину, равно как и всякое другое существо ее пола, оружием и орудиями, которые ей необходимы для обеспечения ее существования, и на то время, когда они ей необходимы, причем она поступила с своею обычной бережливостью. Как самка муравья после оплодотворения лишается ненужных более (а по отношению к уходу за яичками даже небезопасных) крыльев, так и женщина после двух-трех родов в большинстве случаев теряет свою красоту, вероятно, по той же самой причине.

Вследствие этого молодые девушки считают в душе свои домашние или ремесленные занятия делом побочным и даже простою забавою: единственным серьезным призванием считают они любовь, победы и все, что находится в связи с этим, как-то: туалет, танцы и т. п.

* * *

Чем благороднее и совершеннее какая-нибудь вещь, тем позднее и медленнее достигает она своей зрелости. Мужчина приобретает зрелость рассудка и духовных сил едва ли раньше двадцати восьми лет; женщина – с восемнадцатым годом. Но зато такой уж и рассудок: вполне скудно отмеренный. Поэтому женщины всю свою жизнь остаются детьми, видят всегда только ближайшее, прилепляются к настоящему, принимают видимость вещей за сущность дела и предпочитают мелочи важнейшим занятиям. Благодаря именно разуму, человек не живет, как животное, только в настоящем, а обзревает и обсуждает прошедшее и будущее; откуда и проистекают его осторожность, заботливость и частая озабоченность. К происходящим от этого выгодам и невыгодам женщина причастна менее мужчины, вследствие своего более слабого разума. Она, скорее, отличается духовною близорукостью: ее интуитивный (непосредственно воспринимающий) ум остро видит вблизи, но имеет тесный кругозор, в который не входит отдаленное. Поэтому все отсутствующее, прошедшее, действует на женщин гораздо слабее, чем на нас, отчего и проистекает чаще встречаемая в них и подчас доходящая до безумия склонность к расточительности (мотовству). Женщины убеждены в душе своей, что назначение мужчин – зарабатывать деньги, а их – тратить, если возможно – еще при жизни мужа или же, по крайней мере, после его смерти. Их укрепляет в этом убеждении уже то обстоятельство, что муж предоставляет приобретенное в их распоряжение для хозяйства. С какими бы невыгодами все это ни было сопряжено, оно имеет, однако же, ту хорошую сторону, что женщина больше нас поглощена настоящим, и поэтому, если оно только сносно, лучше (полнее) им наслаждается, откуда и проистекает свойственная женщине ясность, которая ей служит для рассеяния, а в случае нужды – и для утешения обремененного заботами мужа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.